

(Окончание. Начало на 9-й стр.).

[illegible]

Ю. ЭДЛИС, драматург:

Думаю, главнейшее препятствие на пути обновления театра — как раз институт главных режиссеров.

Нельзя в республиканской стране сохранять монархизм в одной из областей. Рисков, кстати, давно нет на театральном карте Ташкента: сатиры, да и ленинградского БДТ и не потому, что Г. Товстоногов стал плохим режиссером. Просто нельзя было возмалывать один театр. «Главные» должны меняться так же, как программы театров. ²Казно? не мешало. Между тем я не читал ни одной критической статьи в адрес «главного», если его, конечно, уже не считали самым главным. Убеждение — театр должен возглавлять продсюх.

М. ТИМАШЕВА:

Серьезная примета театрального процесса сегодня — студийное движение.

Его нынешняя волна порождена (как это всегда и бывало) кризисом профессионального театра, каждой его обновлении извне. Однако, несмотря на миф о студийном буме, демократизировать театральную ситуацию студии пока не сумели. Их важнейшая функция — поиск новых пьес — не выполняется. Признанные быт разведчики — студии оказываются в ты-

МОСКОВСКИЙ СЕЗОН: БЕЗ ПЕРЕМЕН

ду профессиональных театров, повторяя предложение. «Важнейшее понятие — студийная этика, но как совместить с ней кластерность, объединяющийся на «Ледортовых играх-87»? Думаю, о студийном движении надо говорить с осторожностью, ведь оно предполагает наличие общих целей и художественных задач, тягу к единению. Пока же есть отдельные интересные спектакли и обнадорживающие тенденции в некоторых студиях. Так давайте и говорить именно о них — о Студии пластической экспозиции О. Киселева, студии «Театр», «Человек», «В старом парке», Третьей студии, «Синтез» и др. — о театрах, имеющих направление, а не о лекомом мифическом буме».

Т. РОДИНА:

Театр наш так долго не осуществлял одну из важнейших своих функций — быть формой самопознания общества, — что эта его способность сегодня почти атрофирована.

Необходим приток свежих сил. И, по-моему, не жила в этом смысле одна из наиболее значительных и плодотворных студийных движений — «Озвучивание». У студий велика потребность сказать свое, великий духовный потенциал, что гораздо важнее профессионального умения, которое придет. Студийная стихия — движение самой жизни, и она необходима. Не случайно именно студии оказываются близки сегодняшнему авангарду профессионального театра (Л. Толдучу, А. Бабаеву, А. Некрошу) в глазах — как и студенты — восставшего человека как единичного искусства.

Е. ДМИТРИЕВСКАЯ:

В этом сезоне при СТО РСФСР образовались «Творческие мастерские». Официально они открываются осенью 1988 года, но программа в целом ясна: выработка нового сценического языка, создание театра поиска, сокращение пути новой пьесы к зрителю.

Наивно было бы надеяться на немедленное исполнение такой программы — оригинальные идеи под ногами не валяются. Пока «Мастер.

ки» принесли ряд спектаклей, по разным причинам оказавшихся «абсолютными»: «Мадам Маргаритта» Р. Айталды (режиссер В. Мирзоев), вызвавшую бурные споры, ставшую «на работу» не принятую худсоветом постановку Ц.С.С. «Судья» по общему признанию, событием сезона. В репертуаре — «Николай Гоголь» — Поес» (автор А. Пономарев), «Низанов» и «Дни рождения Минирова» Л. Петрушевой, поэтическое представление «Айташ» (режиссерка Г. Мамедова) по уровню, но сейчас важно дать «Мастерским» право на риск, ошибку. Начать следует с возможности развития в зрители вкус к современному литературному языку, заполнить пустоты, образовавшиеся в нашем театре.

Т. ЧЕРНЫШЕВА, актриса Театра имени
Н. В. Гоголя:

Позволю себе упрек в адрес критиков. Сегодня, подводя итоги сезона, вы оцениваете его негативно.

А где вы были раньше? Многие спектакли остаются вообще вне поля зрения критики. О многих если и пишут, то как-то пренебрежительно. Заранее известно, кого пужно хвалить, а кого ругать. И ведь актеры чувствуют эту изначальную заданность, чаще всего не верят критике, видят неискренность ее позиции.

В. СЕМЕНОВСКИЙ:

У нас немало хороших критиков, но критика театральная как явление общественной жизни практически отсутствует.

Конечно, нужен закон о печати. Но только сам человек может помочь себе избавиться от цензора внутреннего, не дающего ему из чувства чинопочитания и самосохранения идти вперёд, вперёд к свободе либеральничать» (слова А. Блока). Брежневские времена выработали особый, чрезвычайно эластичный тип сознания либерал-приспособленца, чья безразличная мораль допускает совместимость любых поступков.

Я не считаю, что наши театры (и самбы-дупе из них) случились в 70-е годы сохраняя себе, скажем, поэзию или живопись, давшие образцы личности и мужества. Все так: театральная мысль — даже и антиконструктивная — воплощала себя в рамках дозволенного. Отчасти причина этого в самой специфике театра: здесь нельзя работать в стол. Да и не следует все списывать на время — мы все тогда были же и среди нас герои... Но большинство — люди, вышибленные из седла «драматургической посредственности». Это не вина, а долг поколения театральных критиков 70-х годов.

В. МАКСИМОВА:

Многое беспокоит в сегодняшнем состоянии театра. Вроде бы революция театральная у нас произошла, но странная какая-то революция.

Свершая все, жедау прочим, все те же ниестидасянки, люди, уже не очень молодые. Можем быть, поэтому в нашем «посереволю-иоником» театре так немного пстукот, так много паузу? Здесь не раз звучали слова в защиту молчания многих наших режиссеров. Да, я понимаю, что после Г. Яковлева, который, к сожалению, не успел создать группы, нового актера. Но вспоминаю Г. Тонстонова, получившего в конце 50-х годов БДТ, обезбодевший, в состоянии абсолютного упадка, и начавшего строить программный театр. Поднялся обязательному для художника ритму. Дал и «перевенение» в лучшую свою форму. И, гля, выпускал один за другим спектакли-события.

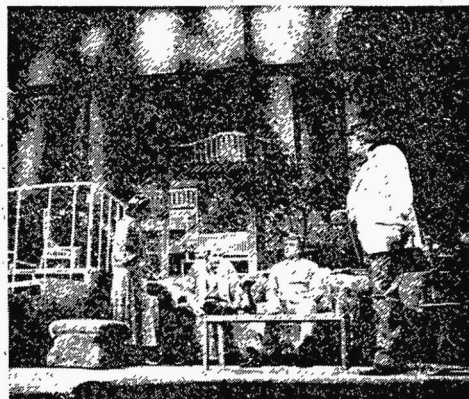
А проблема творческого состояния актера? Да, мы все беспокоимся о правах его политическом, многое делается для изменения его материального статуса. Но не будем закрывать глаза и на другое: театр стал циничным. Стаянский ходит за кулисами на цыпочках — нам смешно. Взаимоотношения А. Эфроса с его актерами на раннем этапе, ефросовский стиль «Сопрежнему» — легенды... А ныне ведущие наши актеры участвуют в таком количестве

конфетер, — заезжают по городам и весям, что даву даешься. Творческая форма потеряна — в «Гамлете» дышания на монумент, на монументу трагедия не хаает. Художник, который не может дышать, не может быть, не может оставаться для меня сомнительным. Спектакли в обеих частях труппы это полнотрагедия. Правда, недавно посмотрела «Дядю Ваню» А. Чехова в ефремовском МХАТе с новым составом. Там тоже дышало, там тоже было так, как будто бы я давно его не видела. Удивительно сделанная роль — в ней боль, страсть, ум, разочарование в людях, нестерпимая горечь, упреков себе и им, мужество осознания собственного положения. И все это со спектаклем — в театре — что будет с МХАТОМ дальше?

Студии... Злосе тоже ведь назревает опасность. Очень скоро, по обретению их актерами статуса профессионалов, мы получим в дополнение к плохим старым театрам немало плохих новых. А вот там, где театр уже был, мы не дали ему состояться. Засильеялись, может быть А. Васильев быть главным режиссером, и при чудовищном дефиците в этой профессии отправили его в подвал, из которого он, мне кажется, уже и не хочет выходить, увлоскисая своими театральными-педагогическими опытами. Грустно...

И еще об одном: критика. Ситуация сложная, изменилось не слишком много. До сих пор газеты и журналы заказывают не только статьи, но и оценки; права многократного обращения к одному спектакулю добиться невозможно, а это значит, что критический процесс, появляющийся рецензиями с такой скупой авторской позицией (например, рецензия на «Старту актрису на роль жены Достоевского» в «Советской культуре»), что создается впечатление намеренности подобного «записки жалоба». Ведь она исчерпает шкалу оценок. С другой стороны, рецензии на спектакли не вызывают, как правило, большого замечания. А критика, при всех ее недостатках, о которых сродни много говорили, не такая уж бесполезная штука. Ведь у нас есть печальный опыт: от театров 70-х годов затерялись малое, свидетельства отсутствуют. То, что захотел востановить в истории культуры, не удалось. Поэтому, чтобы не повторить этого, надо, чтобы в наши дни, спустя 80-е годы благодарным сердцам, остались записанные.

Много у сегодняшнего театра тревог. И работать надо всем вместе. Вместе на пороге нового сезона задуматься о себе — режиссерам, актерам, критикам. И тогда, в следующем году, у нас может быть, будут основания говорить о театре в более оптимистических тонах.

● «Долгий день уходит в ночь». Постановка С. Яшина. Сцена из спектакля Малого театра СССР.

Фото О. Иванова.
(Фотохроника ТАСС).

● «Борис Годунов» в постановке Ю. Любимова. Сцена из спектакля Театра на Таганке.

Фото Л. Пахомовой,
В. Велиюканина.
{Фотохроника ТАСС}.

● «Палата № 6». Постановка Ю. Бреймана. Сцена из спектакля театрального объединения «Теоретические мастерские». В ролях: А. Инжеватов, Г. Крыжвин, В. Степановский.

Фот. И. Рыбакова.

